[56] *Санникова О. В.* Говорит нечистая сила (Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм). Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 100 и сл.

[57] *Сидоров А. С.* Знахарство, колдовство и порча у народов коми (материалы по психологии колдовства). Л., 1928. С. 158.

[58] *Толстой Н. И.* Из заметок по славянской демонологии. Каков облик дьявольский//Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М., 1976. С. 301.

[59] *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX в.//Тр. Ин-та этнографии. М., 1958. Т. 45. С. 31.

[60] *Смирнов В.* Указ. раб. С. 11.

[61] *Елеонская Е. Н.* Сельскохозяйственная магия//Мемуары этнографического отделения ОЛЕАЭ. М., 1929. Вып. 3. С. 23.

[62] Там же. С. 19.

[63] Там же. С. 22.

[64] *Дмитриева С. И.* Мезенские кресты//Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник Научного совета по истории мировой культуры. 1984 г. Л., 1986. С. 463.

[65] Фольклор народа коми. Сыктывкар, 1938. Т. 1. С. 201—204.

[66] *Сидоров А. С.* Указ. раб. С. 159.

[67] *Потебня А. А.* Переправа через воду как представление брака//Археологический вестн. Московского археологического общества. М., 1868. С. 254.

[68] Подробнее об этом см.: *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 157—164.

[69] *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси.//Зап. Московского Археологического ин-та. М., 1913. Т. 18. С. 275.

[70] *Stelmachowska B.* Rok ovrzdowy na Pomorzu. Torum, 1933. S. 191; *Виноградова Л. Н.* Указ. раб. С. 164.

[71] *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. СПб., 1890. Т. 1. Ч. 2. С. 318.

[72] *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство... С. 218 и сл.

[73] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 294.

Comparative Analysis of Some Worldvien Elements as Found in Russian Sorcery and Divination

An attempt is made to compare some socery and divination texts in order to reveal their close connection with folk art and rituals.

S. I. Dmitrieva

© 1994 г., ЭО, № 4

Т. Г. Иванова

СЕВЕРОДВИНСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ

Северодвинская эпическая традиция, как и шенкурская, о которой нам уже приходилось писать [1], никогда специально не привлекала внимания ученых. Слишком малозначительной выглядит она на фоне сопредельных регионов, прославившихся как мощные былинные очаги. Почему же Северная Двина — крупнейшая северная река оказалась столь бедна на эпос?

Прежде чем попытаться дать ответ на этот вопрос, необходимо уточнить, каким количеством записей северодвинских былин располагает наука. С. И. Дмитриева называет 14 текстов [2]. Сюда она включает 7 былин из «старой серии» П. В. Киреевского [3] из Архангельского уезда; 4 текста из того же издания, место записи которых глухо названо в общей форме «Архангельская губерния»; и 3 былины пинежского сказителя Т. Шибанова, который перенял их от жителя д. Рыболово Вознесенской волости Архангельского уезда [4]. Полагаем,

что некорректность причисления к традиции Северной Двины былин Т. Шибанова и текстов, помеченных «Архангельская губерния», очевидна. Таким образом, предметом нашего рассмотрения могут быть только 7 былин П. В. Киреевского из Архангельского уезда. Но и их принадлежность к северодвинскому репертуару можно поставить под сомнение. Во всяком случае требуются определенные доказательства для прикрепления этих текстов к традиции Северной Двины.

Интересующие нас семь ста́рин (Кир. IV, с. 1—6; 6—12; 12—18; 18—21; 22—38; 38—46; 46—49) были записаны в 1840-е годы архангельским топографом А. Харитоновым [5]. Известно, что А. Харитонов собирал фольклор также на реке Ваге (в собрании П. В. Киреевского опубликовано несколько былин из Шенкурского края). В связи с этим А. В. Марков полагал, что в издании П. В. Киреевского произошла ошибка и харитоновские записи, помеченные Архангельским уездом, также надо отнести к шенкурскому репертуару [6]. Из современных фольклористов эту точку зрения разделяет Ю. А. Новиков [7].

Тем не менее имеются неоспоримые архивные свидетельства того, что А. Харитонов работал не только в Шенкурске, но и в Архангельске. Записанные им былины сохранились в фонде П. В. Киреевского в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки [8]. Как мы уже указывали при анализе важского материала, А. Харитонов послал перебеленные тексты своих старин В. И. Далю, а тот передал их П. В. Киреевскому. Листы бумаги с записанными на них эпическими песнями позднее были разрознены и разложены в разные папки собрания П. В. Киреевского. В некоторых записях А. Харитонова сохранились фрагменты письма собирателя к В. И. Далю. Эти-то отрывки и позволяют с уверенностью сказать, что записи были сделаны в Архангельском уезде. Так, после текста былины «Илья Муромец и Калин-царь», заканчивая свое письмо к В. И. Далю, А. Харитонов писал: «С чувством глубочайшего почтения и совершенной преданности, имею честь остаться вечно благодарным Вам, Вашим, милостивейший государь Владимир Иванович, послушным и покорным слугою, А. Харитонов. 5 января 1849. г. Архангельск» (РГБ, ф. 125, п. 30, л. 31 об.). Обратим внимание на то, что письмо помечено Архангельском, следовательно А. Харитонов после Шенкурска жил в губернском городе и, позволительно допустить, мог записывать фольклор в Архангельском уезде. Этот фрагмент письма дает нам также примерную дату записей А. Харитонова — по-видимому, это был 1848 год. К тексту былины «Илья Муромец и Сокольник» собиратель сделал примечание о легенде, согласно которой окаменевшая фигура Ильи Муромца находится где-то в Киеве. При этом А. Харитонов добавил: «Крестьяне Шенкурского уезда о смерти его говорят то же самое» (РГБ, ф. 125, п. 30, л. 17 об.), т. е. фольклорист явно противопоставил Шенкурский уезд какому-то другому, видимо, Архангельскому. И, наконец, самое позднее и решающее свидетельство. Былинный текст об Илье Муромце и Соловье Разбойнике А. Харитонов предварил следующим замечанием: «Думаю, что не лишне будет познакомить Вас, милостивейший государь Владимир Иванович, с этою сказкою в том виде, в каком она ходит между крестьянами здешнего Архангельского уезда, А. Х[аритонов]» (РГБ, ф. 125, п. 30, л. 4). Таким образом, принадлежность ряда харитоновских былин Архангельскому уезду вытекает из заметок самого собирателя. Правда, из семи названных выше текстов один, как мы уже писали [9], принадлежит шенкурскому репертуару — это былина «Илья Муромец и нахвальщик» (Кир. IV, с. 6—12). Итак, остаются только шесть былин из Архангельского уезда. Но помета «Архангельский уезд» в «старой серии» П. В. Киреевского требует дополнительных разъяснений. Ста́рины А. Харитонова не имеют более точного регионального обозначения — волость, деревня. А между тем, в середине XIX в. Архангельский уезд охватывал большую территорию: к нему относились, кроме нижнего течения Северной Двины, Зимний и Летний берега Белого моря [10]. В связи с этим приходится решать вопрос: правомочно ли атрибутировать харитоновские тексты как северодвинские былины, не относятся ли они, скажем, к традиции Зимнего берега? Белого моря?

Эпическая традиция Зимнего берега (практически двух сел: Нижней и Верхней

Зимних Золотиц) хорошо изучена нашей наукой. Сборник А. В. Маркова «Беломорские былины» [11], двухтомное издание «Былины М. С. Крюковой» [12] и собрание «Былины Печоры и Зимнего берега» [13] дают возможность получить ясное и всестороннее представление о зимне-золотицких былинах. Их отличает большой объем текстов (от 150 до 500 строк; тексты М. С. Крюковой — до 1125 стихов); склонность к контаминации сюжетов; развитые пространные монологи и диалоги героев; бытовизация эпических сюжетов. А. М. Астахова писала: «...золотицкое былинное творчество характеризуется введением новых добавочных эпизодов, которые и придают местным обработкам очень своеобразный вид... Главное... своеобразие золотицких записей обусловлено тем, что... в руках талантливых сказителей с сильным тяготением к импровизаторству былинные сюжеты... переосмысливались и переоформлялись» [14].

Харитоновские же тексты, напротив, кратки (от 75 до 235 строк), лишь один из них контаминирует в себе два сюжета («Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей Разбойник»). Былины строятся в основном на типических местах и формулах, бытовизации сюжетов нет. И, наконец, сопоставление каждой из ста́рин А. Харитонова с соответствующими сюжетами зимне-золотицкой традиции обнаруживает полнейшее несовпадение редакций и версий.

В качестве примера приведем былину, объединяющую сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (Кир. IV, с. 1—6). На Зимнем берегу эти сюжеты встречаются в текстах Маркова (№ 1, 68, 107), Крюковой (1, № 1); в «Былинах Печоры и Зимнего берега» (№ 92, 121, 145, 161), текстах, записанных от М. С. Крюковой (ИРЛИ, к. 72, п. I, ед. хр. I) [15]. Из перечисленных былин Зимнего берега тексты БПиЗБ № 145 и 161 восходят к книжной традиции, на что указывается в комментариях к сборнику. Былины М. С. Крюковой в наших рассуждениях также в расчет не принимаются, так как в творчестве этой исполнительницы сильно сказывается индивидуальное начало.

Сопоставление остальных зимне-золотицких текстов с харитоновским вариантом обнаруживает несовпадение композиций былин. В ста́рине А. Харитонова действие разворачивается следующим образом: исцеление богатыря; перенос им чаши с пивом с повети; пленение Соловья Разбойника; столкновение с его детьми; освобождение города Крякова от осады; приезд в Киев; недоверие князя к рассказу о поездке прямоезжей дорогой; свист Соловья и его гибель. Особенностью былины А. Харитонова является то, что город Кряков Илья Муромец освобождает вместе с Соловьем Разбойником. Русский богатырь и его противник в данном эпизоде выступают соратниками.

Варианты Зимнего берега строятся по-другому, причем в зимне-золотицкой традиции отмечается несколько версий сюжета. Текст Маркова № 1 (от А. М. Крюковой) разрабатывает версию о трех поездках Ильи Муромца: встреча с разбойниками; с девицей-обманщицей; с Соловьем Разбойником. Былины Маркова № 68 и 107 описывают отъезд героя из дома, освобождение города Чернигова, пленение Соловья Разбойника и столкновение с его детьми, пир у князя Владимира, хвастовство Ильи своим подвигом и недоверие бояр, свист Соловья; т. е. здесь перед нами опять-таки предстает версия, отличная от харитоновской записи.

Наиболее близки к тексту А. Харитонова варианты БПиЗБ № 92 и 121 (от П. С. Пахаловой и ее дочери П. В. Негадовой). Здесь также сюжет о Соловье Разбойнике контаминируется с «Исцелением Ильи Муромца». Однако, как известно, эта контаминация традиционна и распространена повсеместно. Сама по себе она не может служить основанием для атрибуции текста А. Харитонова к зимне-золотицкой традиции. Сюжет «Исцеление Ильи Муромца» в рассматриваемых зимне-золотицких вариантах и в харитоновской былине разрабатывается по-разному. В текстах Зимнего берега большую роль играет мотив покупки и выращивания коня для богатыря; в харитоновской старине этого эпизода нет, зато есть редко встречающийся мотив переноса чана с пьяным пивом. Вторая часть старины — сюжет о Соловье Разбойнике — в былинах П. С. Пахаловой и П. В. Негадовой также

имеет набор мотивов, не совпадающих с композицией текста А. Харитонова: герой просит у родителей благословения ехать в Киев; отец предупреждает его о Соловье Рохматьевиче; седлание коня и др. В этой версии нет очень важного эпизода об освобождении Ильей Муромцем города Крякова (Чернигова) от врагов.

Таким образом, сопоставление харитоновского варианта былины «Исцеление Ильи Муромца и Соловей Разбойник» с зимне-золотицкими текстами обнаруживает их неидентичность. Это позволяет придти к выводу, что запись А. Харитонова была сделана не на Зимнем берегу Белого моря.

Сравнение былины «Илья Муромец и Сокольник» (Кир., IV, с. 12—16) с зимнебережными текстами (Марк. № 4, 70, 98; Крюк., 1, № 14; БПиЗБ № 93) также заставляет исключить принадлежность харитоновского варианта к зимне-золотицкому региону.

Композиция былины «Илья Муромец и Сокольник», в которой рассматривается версия о столкновении богатыря с сыном, в русском эпосе довольно стабильна: набор мотивов почти не варьирует, поэтому и зимне-золотицкие ста́рины демонстрируют нам в основном ту же последовательность эпизодов, что и харитоновский вариант. Типические же места (loci communes) сопоставляемых текстов, напротив, значительно различаются. В ста́рине А. Харитонова есть отдельные клише, которые отсутствуют во всех вариантах Зимнего берега. Например, следующее описание Сокольника:

Едет молодец на добром коне,
На правом плече везет ясна сокола,
На левом плече везет бела кречета,
У стремени прикована змея Горынская
(ст. 10—13).

Или мотив жалобы-молитвы Ильи Муромца небесам в момент, когда он оказался побежденным Сокольником:

Сколько я стоял за веру христианскую,
Еще боле я стоял за церковь божию;
Сколько я стоял за благочестивых вдов,
За тех благочестивых вдов, за безмужних жен,—
Благочестивыя жены, вдовы безмужния,
Они были богомольныя,
День и ночь они богу молятся
(ст. 104—110).

Процитированные типические места из харитоновского варианта, повторяем, не отмечены ни в одном из текстов Зимнего берега. В свою очередь в былинах, записанных на зимне-золотицком регионе, есть *loci communes*, которых нет в ста́рине А. Харитонова. И наконец, сравнение параллельных типических мест, встречающихся в варианте А. Харитонова и в былинах Зимнего берега, свидетельствуют о их полнейшем несовпадении. В качестве примера приведем мотив «Илья расспрашивает Сокольника о его роде-племени».

Текст А. Харитонова:
Коего, молодец, города, которой земли,
Которой Сибирской украины,
Как молодца именём зовут,
Как молодца по отце чёвствуют?
(с. 119—122).

Марк. 4:
Ты ведь цьей жо земьли да цьёго города,
Ты цьёго же отця, ездишь, да цьей матушки?
(ст. 136—137).

Марк. 70:
Как спросил у Подсокольника да про отечесьво
(ст. 157).

БПиЗБ № 93:

А уж ты ой еси, премладенькой Подсокольничок,
Ты скажи-ко мне да ты какого отца, матушки,
Ише хто у тя да есь да родной батюшко?
А ише кто у тя же есь да родна матушка?
(ст. 180—184).

Из приведенных примеров видно, что в зимне-золотицких текстах отражена формула о том, как Илья Муромец расспрашивал сына об отце-матери Подсокольника. В харитоновской былине акцент помимо этого делается на вопрос, из какой земли приехал нахвальщик. Остальные параллельные формулы зимнебережных и харитоновского вариантов также не имеют общих точек соприкосновения.

Различаются в рассматриваемых старинах и именные ряды: Илья, Алеша Попович, Тихий Дунай Иванович, Добрыня Никитич, Сокольник, баба Латынгорка Амелфа Тимофеевна (харитоновский текст); Илья Муромець, Добрынюшка Никитиць, Олешенька Попович, Ванька енеральской сын, Ванюшко боярьской сын, Подсокольник, Маринка Кайдаловна, баба Латынгорка (зимне-золотицкие тексты).

Подробный анализ других старин записи А. Харитонова приводит нас к тому же выводу. Из шести харитоновских текстов лишь один — «Илья Муромец и Калин-царь» (Кир., IV, с. 38—46) — может быть заподозрен в причастности к традиции Зимнего берега. Действительно, композиция харитоновского варианта полностью совпадает с одним из зимне-золотицких текстов (Марк. № 3 — от А. М. Крюковой). В обоих былинах царь Батый собирает силу-войско на Киев; вызывает посла и посылает его с ярлыком скорописчатым к князю Владимиру; князь надевает черное платье и идет в город, где встречает Илью Муромца в образе калики и просит у него помощи; Илья и Владимир едут к Батыю с подарками, просят сроку на три года; Илья едет на Почай-реку, собирает богатырей и т. д. Композиционные совпадения, подчеркиваем, не вызывают сомнения.

Оба текста также демонстрируют нам один и тот же именной и топонимический ряд: Батый Батыевич (в зимне-золотицком тексте — Бадан Бадановиць), его сын Таракашко, князь Владимир, Апраксия, Илья Муромец (Илейко — в речи татар), Добрыня Никитич, Алеша Попович, Самсон Колыванович, угодник Николай, море Черное, Киев, Почай-река, поле Куликово.

Наконец, можно отметить определенные текстуальные совпадения в былинах, записанных А. Харитоновым, и Маркова (№ 3). Например, отмечается близость формул в просьбе князя Владимира постоять за Киев:

А. Харитонов:

Уж ты здравствуй, стар казак Илья Муромец!
Постарайся за веру христианскую,
Не для меня, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксии,
Не для *церквей и монастырей,*
А для бедных вдов и *малых детей!*
(ст. 134—139).

А. Марков:

Ты не мошь ли, Илья Мурамець, помиловать
Ты не ради все миня, князя Владимира,
Ты не ради Опраксеи королевисьни,
Хоть ты для́-ради божьи́х *церьквей* соборныих,
Уж ты ради, *манастырей-то* хоть спасёныих,
Уж ты для-ради сиротских *малых детоцёк?*
(ст. 106—111).

Сходство наблюдается также в описании посла царя Батыя.

А. Харитонов:

Ты *выскочил* бурза-мурза татаровичь:
Стар-*горбат*, *на перед покляп,*
Синь кафтан, голубой карман
(ст. 33—35).

А. Марков:

Ай один-то тут тотарин нахвалилсэ-то,
Нахвалилсэ-то, скоро *выскакивал*,
Выскакивал скоро из белá шатра;
Он сутул, сам *горбат, ведь наперёд покляп;*
Ишше *синь-от кафтан*, голова да как пивной котёл
(ст. 45—49).

Как видим, взаимосвязь харитоновского текста с былиной А. М. Крюковой налицо. Но какова причина сходства двух вариантов? Возможны два решения: а) текст А. Харитонова относится к зимне-золотицкой традиции; б) А. М. Крюкова взяла свой вариант из какого-либо книжного источника, в котором публиковалась старина А. Харитонова. Мы склонны ко второй точке зрения. Так же решается вопрос о происхождении данной былины в репертуаре А. М. Крюковой и А. М. Астаховой [16]. Исследовательница называет и издание, по которому А. М. Крюкова познакомилась с харитоновской былиной о Батые,— это хрестоматия для приходских школ А. Оксенова «Народная поэзия: Былины. Песни. Духовные стихи» (на протяжении конца XIX — начала XX вв. переиздавалась несколько раз).

Таким образом, текстологический анализ харитоновских записей позволил нам отвергнуть предположение, что его былины зафиксированы на Зимнем берегу.

Архангельский уезд, как мы уже говорили, включал в себя и Летний берег Белого моря. Теоретически можно предположить, что интересующие нас шесть текстов происходят из этого региона. К сожалению, в данном случае текстологические сравнения записей нам не помогут: наука не располагает ни одним текстом с Летнего берега. Однако, по всей вероятности, А. Харитонов записывал свои былины все же не здесь, а в самом Архангельске и многочисленных подгородных деревнях. Села Летнего берега (Яреньга, Пертоминск, Красная Гора, Сюзьма, Солза), входившие в Архангельский уезд, были достаточно труднодоступны. Собиратель наверняка отметил бы в письме к В. И. Далю тот факт, что былины были им записаны в экзотическом, с точки зрения рядового архангелогородца, районе Поморья.

Исходя из всего сказанного, мы относим старины А. Харитонова к традиции нижнего течения Северной Двины, как это, впрочем, принято и другими исследователями.

В конце 1840-х годов, когда были сделаны харитоновские записи, в истории собирания былин на Северной Двине наступил длительный перерыв. Следующие тексты были зафиксированы лишь в начале XX в. В 1915 г. молодые московские фольклористы Б. М. и Ю. М. Соколовы познакомились со студентом Строгановского промышленно-художественного училища архангелогородцем Б. В. Шергиным, будущим известным советским писателем. Они записали от него отдельные произведения фольклора, в том числе и старину «Катерина и Чурила Алеша Попович» [17]. В январе 1916 г. Б. В. Шергин в газете «Архангельск» [18] опубликовал четыре своих произведения, среди которых была и былина о Катерине и Чуриле, в результате чего фольклористика получила два повторных текста этой шергиновской старины. В 1960-е годы отрывки в несколько стихов из эпического репертуара Б. В. Шергина были записаны на магнитную ленту («Илья Муромец и Соловей Разбойник», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Три поездки Ильи Муромца», «Сорок калик» — звукозаписи хранятся в фонограммархиве Института русской литературы РАН).

Все остальные тексты северодвинских былин являются прозаическими пересказами эпических сюжетов. Записи были сделаны в 1951 г. (экспедиция Московского государственного университета) [19], в 1963 г. (Архангельский педагогический институт) [20], в 1967 г. (Московский государственный университет) [21] — всего 6 текстов. Практически в связи со всеми названными пересказами исполнители называли источником своего знания какую-нибудь книгу. Прозаические тексты с

их сказочной стилистикой имеют вторичный характер и никак не относятся к северодвинской эпической традиции. Таким образом, исследователи располагают лишь записями А. Харитонова и старинами Б. В. Шергина — 8 текстов и 4 звуковых отрывка. Подчеркнем, что все имеющиеся в распоряжении ученых былины отражают репертуар нижнего течения Северной Двины, возможно, даже только Архангельска.

Впрочем, в литературе имеются скудные сведения о бытовании песенного эпоса и вверх по течению реки. Так, А. Д. Григорьев отмечал, что былины поются «в д. Березнике Двинском на берегу С. Двины ниже устья р. Ваги (здесь, по словам тамошнего крестьянина, изредка поют старины про Илью Муромца)» [22]. Называл собиратель и другие деревни Сев. Двины — д. Травник ниже Сии. [23] А. В. Марков писал: «...один крестьянин Сольвычегодского уезда Вологодской губ. сообщил мне, что в селе Верхней Тойме (на р. Двине) и в окрестных селениях былины еще поются стариками» [24]. В то же время он подчеркивал: «Один крестьянин из Тотемского уезда, которому приходилось не раз проехать всю Двину до Архангельска, говорил мне, что только однажды он слышал, как кто-то пел об Илье Муромце из села Карачарова; но сказки о богатырях и песни о Ермаке ему приходилось слышать нередко. Былин не поют и в устье Двины, например в деревне Исаковой Горе, через которую я проезжал; не знают их и на о. Му́дьюге, лежащем в Двинской губе...» [25]

Итак, некогда былинная традиция, по-видимому, существовала на протяжении всей Сев. Двины, но не приходится сомневаться, что в начале XX в. северодвинская эпическая традиция была гораздо более сильно разрушена, чем, скажем, соседняя пинежская. Но что же она представляла собой в XIX в.?

Все харитоновские записи посвящены главному герою русского эпоса — Илье Муромцу. В одном из текстов контаминируются былины «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (полуразрушенный вариант), остальные старины представляют собой сюжеты «Илья Муромец и Сокольник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец и Идолище» (2 варианта), «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром». Можно предположить, что А. Харитонов поставил себе задачу составить эпическую биографию богатыря и состояние северодвинской былинной традиции в конце 1840-х годов позволило ему справиться с этой задачей довольно успешно. Собирателю удалось в Архангельском уезде записать все основные сюжеты о главном русском богатыре.

Сюжет «Илья Муромец и Идолище» представлен в записях А. Харитонова в двух версиях: Идолище в Киеве у князя Владимира и Идолище в Царе-граде у царя Константина. Бытование на нижней Двине двух разных версий одного и того же сюжета также говорит в пользу существовавшей здесь когда-то довольно развитой былинной традиции.

Известен местной традиции был и сюжет «Бой Ильи Муромца с Добрыней», что вытекает из очерка юного Б. В. Шергина «Недавное прошлое» [26], опубликованного в газете «Архангельск». Здесь Б. В. Шергин дал выразительный портрет былинщика П. О. Анкудинова, сказителя, с которым была в дружеских отношениях семья Шергиных, и описал свое с ним общение: «— Ну, а теперь ста́рину, что ли, споем?

Я оживлюсь:

— Пафнутий Осипович, про Василья и Снафиду?

— Про Василья и Снафиду!? Ладно... Дак вить ты и так про Василья и Снафиду хорошо знашь? Я вот, как тебе притти, про Илью пел, как бой у них с Добрыней был... Голос уж очинь у этой старины хорошой! Ровно ручей льется...»

Можно не сомневаться, что помимо старин об Илье Муромце в северодвинском репертуаре были также былины о Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и других русских богатырях. Например, косвенным доказательством того, что жители низовий Сев. Двины знали былины о Василии Буслаеве, служит свидетельство упомянутого выше пинежского сказителя Т. Шибанова. По его словам, он усвоил свою былину о Буслаеве (равно как и другую старину — «Илья Муромец и Со-

кольник»), живя в Архангельске, от некоего Максима Пердукова, крестьянина д. Рыболово Архангельского уезда [27]. Это же имя — Василий Буслаев — встречается и в лироэпической песне, записанной С. В. Максимовым в Холмогорах (Кир., VII, с. 14—15). Шергиновский репертуар добавляет к северодвинской традиции «Катерину и Чурилу» и «Сорок калик». Как видим, получается если не внушительный, то достаточно разнообразный список былин, составляющий эпический лик Сев. Двины.

Фольклористика не имеет почти никаких сведений о северодвинских старинщиках. А. Харитонов не оставил нам имен и биографий своих исполнителей. Однако фольклорной литературе известны яркие очерки Б. В. Шергина о двух сказителях, его учителях. Первый из былинщиков — это названный уже П. О. Анкудинов. Именно к нему Б. В. Шергин прибегал, чтобы научиться петь по крюкам, послушать, как тот истово исполняет духовные стихи, самому подтянуть в старине. Убежденным поборником старой веры, окруженным в своем доме древними иконами новгородского письма и сборниками духовных стихов, собственноручно переписанными,— таким виделся П. О. Анкудинов Б. В. Шергину в юности, когда Шергин в 1916 г. публиковал один из первых своих очерков. Позднее в рассказе «Пафнутий Анкудинов» герой Шергина предстает как сказитель, ценимый артелью, оторванной промыслом от дома: «Кончит былину богатырскую, запоет скоморошину... Шутит про себя:

— У меня уж не запирается рот. Сколько сплю, столько молчу. Смолоду сказками да песнями душу питаю.

Поморы слушают, как мед пьют.

Старик иное и зацеремонится:

— Стар стал, наговорился сказок. А смолоду — на полатях запою, под окнами хоровод заходит. Артели в море пойдут, мужики из-за меня плахами лупятся. За песни да за басни мне с восемнадцати годов имя было с отечеством. На промысле никакой работы задеть не давали. Кушанье с поварни, дрова с топора — знай пой да говори... Вечером народ соберется, я засказываю. Мужиков людно сидит, торопиться некуда, кабаков нет. Вечера не хватит, ночи прихватим... Дале — один по одному засыпать начнут. Я спрошу: „Спите, крещеные?“ — „Не спим, живем! Дале говори“» [28].

Другой дорогой писателю человек — Наталья Петровна Бугаева — крестьянка из деревни Заостровье, подолгу жившая в семье Шергиных. «Мечтательница, песенница, она умела заронить в душу любовь к прошлому. Плоть от плоти, кровь от крови северянка, Наталья Петровна „держала“ в году 12 пятниц, учила молиться грозному Илье Громовнику. Свято верила в домовых хозяина и хозяюшку, в банного, в водяного хозяина. Рассказывала таинственные были о древних людях. Пела стихи, пела песни»,— так описывал ее Б. В. Шергин в 1916 г. [29] Была она и знатоком старин, прекрасно разбираясь, в какой манере надо петь то или иное эпическое произведение. Эта тема затронута в письме Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову от 6 января 1916 г.: «Я припоминаю, что говаривала моя Наталья Петровна Бугаева о певцах и напевах. Привожу ее речи почти буквально, что припомню,— писал он.— „Наедут всеки странники да убоги на ярмангу ли, на богомолье. Поют, снуят. И про Иликсия человека божия, и про Страшный суд, и про Лазаря. И все-то на один голос, на единую стать. Которы и ста́рину настоящую споют, дак все, ровно „Христа ради“ просят. Никакой разноты нет. У нас эдак не водится. У нас коли про Илью петь — дак не круто, не в ростягу, не с подерьгой, а ровным голосом держать; мало, мало, где в конце ли, в середке голосом качать“. Веселые старины „небыли“ надо петь с „подерьгой“, с „подбором“, „борзясь“. Ста́рины вроде „Снафиды“ Н. П. пела, когда „тоснуло на сердце“. Конечно, мелодия была печальной. Что касается стихов, то их поют непременно в „роста́гу“, „вытягивают“, „водят голосом“. Говорил еще кто-то — Наталия, или Пафнутий, или еще кто — что если поют несколько человек, то непременно петь надо в один голос, „всем голос равно́ держать, в сторону не заводить“. Пафнутий говорил, что петь „на разны голоса“, „с перехватами да с ахами, да с охами, да с

руладами“, то один как баран блеёт, то все взревут,— так петь прилично и принято только в ресторанах, в „киатрах“ да в никонианских церквах» [30]. Из приведенной цитаты видно, что архангелогородцы в начале XX в. имели четкое и ясное представление о разных жанрах русского эпоса: о духовных стихах, небылицах, балладах и былинах.

Мы попытались собрать воедино все прямые и косвенные свидетельства о бытовании былин на Сев. Двине. Наши сведения, довольно скудные, позволяют все же утверждать, что в низовьях реки еще в начале XX в. старины знали и ценили, а в середине XIX в. существовала, по-видимому, достаточно развитая эпическая традиция.

И действительно, было бы странно, если бы некогда на Сев. Двине былины не были бы в почете. Ведь по своим природным, экономическим, социальным, бытовым и культурным условиям эта река ничем не отличается от других северно-русских районов, являющихся значимыми эпическими очагами. Здесь имелись глушь, отсутствие крепостного права, безграмотность (относительная, как мы теперь знаем), особая поэтическая восприимчивость местного крестьянства — все те факторы, которые, по мнению многих ученых, были причиной консервации былин на Русском Севере [31].

Уже в XIX в. собиратели справедливо связывали сохранение эпической традиции с коллективными промыслами (рыбными, морского зверя), надолго отрывавшими северного крестьянина от дома и нередко по вечерам и в непогоду предоставлявшими ему длительный досуг. Вот тогда-то в промысловой избушке и становился главной фигурой в артели сказочник или старинщик [32]. На промыслах встречались артели из разных районов Русского Севера, здесь сказители имели возможность послушать друг друга, оценить, перенять репертуар. Низовья Сев. Двины являлись одним из тех регионов, экономическая жизнь которых была тесно связана с морскими промыслами. Напомним, например, что отец М. В. Ломоносова, куростровец, имел свои тони на Мурманском берегу Белого моря [33]. Таким образом, и с точки зрения промыслов Сев. Двина имела все условия быть мощным былинным очагом.

Если признавать справедливой мысль о том, что эпос сохранился в окраинных регионах, где русским насельникам приходилось входить в контакт с иноэтническими группами, то и здесь Сев. Двина ничем не выделяется на фоне других районов, оставивших нам в наследство былины. В Поволжье русские люди отстаивали свое национальное самосознание, соприкасаясь с культурой марийцев, чувашей, мордвы, казанских татар и др. народов. Для донских казаков эпос был выражением их этнического «мы» при столкновениях с крымскими татарами. Пришедшие в XVII в. в Якутию русские люди сохранили эпос как воспоминание об истории своих предков в окружении чуждых им этнически якутов. В Обонежье консервации былин способствовала карельская среда. На Печоре и Мезени — контакты с коми-зырянами и т. д. На Сев. Двине обостренное чувство национального самосознания у русских людей возникало в соседстве с местным угро-финским населением — чудью древнерусских летописей. Двинские грамоты свидетельствуют о том, что в XV в. чудь жила в этом регионе рядом с русскими [34]. П. С. Ефименко полагал, что русско-чудские контакты оставались актуальными вплоть до XVII в. [35], когда произошла окончательная ассимиляция этого племени. Как видим, соприкосновение с иноэтнической культурой, которое, возможно, было причиной сохранения эпоса в других регионах, наличествовало и на Сев. Двине.

В вопросе о географическом распространении былин, как известно, большую популярность получила новгородская гипотеза происхождения былинной традиции [36]. Руководствуясь этой теорией, можно было бы ожидать, что Сев. Двина была одним из самых мощных эпических очагов. Эта река очень рано стала известна славянам. Новгородцы по Волхову и Свири выходили в Онежское озеро, а там рекой Водлою поднимались в Кенозеро и через р. Кену шли на р. Онегу. С Онеги волоком путь вел на р. Емцу, впадающую в Сев. Двину [37]. А. А. Шахматов

и А. Н. Насонов считали, что низовья Сев. Двины были заселены новгородцами уже в XI—XII вв. [38]. И хотя, согласно новейшим исследованиям Т. А. Бернштам, массовое продвижение русичей на Север началось не раньше конца XIII — начала XIV вв., нижнее течение Сев. Двины, и по ее мнению, было одной из первых территорий, освоенных нашими предками [39]. В низовьях реки (от морского побережья до района Орлец — Ступино) уже в середине XIV в. образовалась так называемая Двинская земля с центром в Матигорах и Ухтострове. В сферу влияния Двинской земли входили поселения на Летнем берегу, а также погосты на Терском берегу Белого моря [40]. В XIV—XV вв. здесь было уже несколько монастырей (Архангельский Михайловский, Николаевский Чухченемский и др.) и более десятка церквей. А. А. Шахматов, перечисливший их в своем исследовании о двинских грамотах, делает вывод, что «многочисленность церквей в Двинском крае XV в. свидетельствует о значительности его населения» [41].

Двинская земля долгое время для Русского Севера служила своеобразной метрополией. Именно отсюда шла дальнейшая экспансия славян на восток — на Кулой, Мезень, Печору. Логично предположить, что корни богатейших былинных традиций перечисленных регионов находятся на Сев. Двине. Однако сама она по сравнению с ее восточными соседями практически почти не оставила нам эпического наследия.

На сторонников новгородской гипотезы происхождения русских былин, казалось бы, работает одна из страниц истории заселения славянами Сев. Двины. В середине XIV в. по рекам Емце, Мехреньге, Ваймуге и по самой Сев. Двине на территории выше Холмогор до устья Пинеги образовался массив земель, связанных с ростовской (низовской, верхневолжской) колонизацией Русского Севера [42]. Вполне возможно, что низовский колонизационный поток, якобы не несший с собой былин, перекрыл новгородскую струю и подавил собой эпическую традицию на Сев. Двине. Такое умозаключение выглядит довольно правдоподобным. Именно контактами с рынками Ростово-Суздальской земли объясняет скудость северодвинской эпической традиции С. И. Дмитриева [43]. Однако нам уже приходилось в связи с важским регионом доказывать, что верхневолжская колонизация тоже несла с собой на Север эпическое знание [44]. В последнее время новгородская гипотеза все в большей степени подвергается критике [45], и мы склонны разделять позицию ее противников, поэтому попытаемся объяснить бедность нашего знания о северодвинском эпическом репертуаре не только объективными причинами (то есть заложенными в самой здешней традиции), но и субъективными, находящимися вне особенностей этого региона.

Прежде всего обратим внимание на то, что русская эпическая традиция отнюдь не лежала на поверхности крестьянской культуры. Былина не являлась повседневным элементом севернорусского быта. Если песню знал практически любой крестьянин (крестьянка), то эпос был достоянием хотя и не единиц, но достаточно ограниченного круга лиц. Эпическое знание ценилось и уважалось. Песня могла возникнуть в любой момент, в любой обстановке; былина требовала особого настроения. Поэтому сторонний наблюдатель очень часто мог пройти мимо былинной традиции, не заметить ее. Подтверждением этой мысли служат многие страницы из истории русской фольклористики. В 1856—1857 гг. С. В. Максимов, талантливый знаток народной жизни, проехал почти весь Русский Север — Поморье, Печору, Мезень, Пинегу, нижнюю Сев. Двину. В своей книге «Год на Севере» [46] он описал свадебные обряды, поверья, приметы местных жителей, но ни словом не обмолвился о былинах. Значит, ему не довелось их слышать. Наверняка, если бы С. В. Максимову пришлось столкнуться со старинщиком, то он по достоинству оценил бы значимость такой встречи и не упустил бы возможности в своей книге поделиться с читателем впечатлением о песенном эпосе.

Примечательна также история открытия былинной традиции на Печоре. В 1889 г. в этом крае побывал Ф. М. Истомин, который писал после своей экспедиции А. Н. Пыпину: «Есть данные предполагать много любопытного — есть даже былины (...) Зыряне на Печоре, ничего не знающие по-русски, поют русские

песни и даже былины (...) записал образчик тех и других» [47]. На следующий год Ф. М. Истомин опять поехал на Печору и искал там эпические произведения уже среди русского населения, но вернулся ни с чем. В отчете о поездке этого года он указывал: «Названных в прошлом году знатоков (былин — *Т. И.*) я не застал дома, а расспросы мои о старинах, которые они знают, убедили меня в том, что это не былины, а рассказы и записи об Усть-Цылемской старине (...). Дальнейшие мои поиски былин не увенчались успехом, тем не менее утверждать, что былин там нет совершенно, я пока не решусь; вопрос же о том, откуда заимствованы зырянами русские былины, для меня остался пока не выясненным» [48]. Как видим, две печорские экспедиции (подчеркнем, последняя из них была целенаправленной) Ф. М. Истомина, человека далеко не случайного в фольклористике, не дали никаких результатов. Местная былинная традиция была открыта позднее — в 1901—1902 гг. Н. Е. Ончуковым. Видимо, он в отличие от Ф. М. Истомина сумел завоевать доверие печорцев, и они поделились с ним своим эпическим знанием. Н. Е. Ончуков писал, что местная печорская интеллигенция ничего не знала о бытовании былин в здешнем крае [49]. Оказывается, можно было жить годами в таком мощном эпическом очаге, как Печора, и никак не соприкасаться с этим пластом народной культуры.

Сев. Двина, как это ни странно, оказалась обойденной вниманием со стороны фольклористов. Действительно, в 1857 г. здесь в низовьях побывал С. В. Максимов, в 1886 и 1893 гг.— Ф. М. Истомин, но эти собиратели, как мы говорили, прошли мимо былинной традиции не только здесь, но и в других регионах. Архив Русского географического общества свидетельствует, что во второй половине XIX — начале XX вв. здесь работали местные этнографы-любители (А. К. Шешенин, П. Лысков, А. Ивановский, Штерн, Н. Грандилевский [50]), но и их материалы ничего не прибавляют к нашим сведениям о местной эпической традиции. В начале XX в. молодые фольклористы А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков устремились в Поморье на Зимний, Карельский и Терский берега, на Пинегу, Кулой, Мезень, Печору. Сев. Двина ни одного из них почему-то не привлекла. Экспедиции советского времени в 1920—1930-е годы сосредоточились также на Заонежье, Пинеге, Мезени, Печоре, Зимнем и Карельском берегах. Сев. Двина опять оказалась вне сферы внимания фольклористов. 1950—1970-е годы, естественно, уже ничего не могли прибавить к нашим знаниям о местной эпической традиции. В связи со всем сказанным выше правомочно, как нам кажется, поставить вопрос: не является ли скудость научных представлений о северодвинских былинах результатом слабого обследования фольклорной традиции здешнего края?

Напомним, что на эпической карте Русского Севера Сев. Двина является не единственным «белым пятном». Даже если отвлечься от глубинных земледельческих районов — Пермских земель, Вологды, Новгородчины,— то можно назвать целый ряд регионов, из которых мы не имеем вообще ни одного былинного текста, в то время как соседние, близлежащие районы дают нам десятки, а то и сотни вариантов. Например, наука не располагает ни одной записью с Кандалакшского берега Белого моря [51], в то время как соседние территории — Терский и Карельский берега — являются признанными очагами эпоса. Не знают ученые и былин с Онежского и Летнего берегов, близлежащий же Зимний берег дал науке массу первоклассных текстов. Сложно представить, что на Кандалакшском, Онежском и Летнем берегах не было вообще никогда былин. Слишком тесно все районы Беломорья взаимодействовали между собой. Летний берег, кстати, когда-то входил в состав Двинской земли (равно как и погосты Терского берега). Эта территория наиболее рано была освоена древними русичами. Здесь на Летнем берегу располагались первые поморские солеварни. Согласно карте Т. А. Бернштам [52], такие села, как Солза, Нёнокса, Луда, Уна появились в XIII—XV вв., а Сюзьма, Красная Гора, Пертоминск, Яреньга, Лопшеньга, Дураково, Летняя Золотица — в XVI — первой половине XVII в. Тогда же были заселены Онежский и

Кандалакшский берега. На Терском же берегу, за исключением Умбы и Варзуги, русские села появились лишь во второй половине XVII в.; в это же время возникли такие известные в былинном отношении деревни Карельского берега, как Гридино, Калгалакша, Поньгома. Если исходить из того, что былины проникли на Русский Север в XII—XIV вв. вместе с первыми колонизационными потоками новгородцев (или новгородцев и верхневолжцев), то логично предположить, что былинными очагами должны были стать здешние древнейшие славянские поселения (то есть деревни Летнего берега). По всей вероятности, так и было: эпос некогда бытовал и на Летнем, и на Онежском, и на Кандалакшском берегах. Во всяком случае в 1980 г. во время экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в деревни Онежского берега нам доводилось слышать от местных жителей, что былины когда-то пелись и здесь (свидетельство относится к 1920—1930 гг.). К сожалению, наука не успела зафиксировать традицию перечисленных регионов. Столь же, хотя и в меньшей степени, не повезло и Сев. Двине (отсюда мы имеем хотя бы 8 текстов).

Итак, субъективный фактор — отсутствие внимания собирателей XIX — начала XX в. к региону Сев. Двина — это главная причина, на наш взгляд, того, что Сев. Двина на эпической карте Русского Севера выглядит бледно. Однако существовала также еще одна — объективная — причина. Этот район, без сомнения, принадлежит к тем территориям, где былинная традиция отмирала быстрее, чем на соседних Пинеге, Мезени, Печоре. Для низовьев Сев. Двины причиной быстрого исчезновения былин было, вероятно, существование промышленного Архангельска, втягивающего соседние деревни в русло капиталистического развития. В верховьях реки — районе, земледельческом по своему характеру,— на интенсивность угасания эпической традиции влияла, как нам кажется, оторванность населения от рыбных и морских промыслов. Нельзя, думается, сбрасывать со счетов еще один фактор, ускорявший процессы разложения былинной традиции. Уже в XVIII—XIX вв. для Сев. Двины перестало быть актуальным соседство с иноэтническими племенами — чудью. Обостренное чувство национального самосознания, заставлявшее помнить в былинах далекую историю своего народа, постепенно затухало в северодвинцах.

Вполне возможно, что уже во второй половине XIX в. степень угасания былинной традиции на Сев. Двине была такой, как, например, на Пинеге в 1920-е годы (напомним, что А. М. Астахова отсюда привезла только с десяток текстов, в то время как А. Д. Григорьев в начале XX в. записал 176 былин и баллад). Пинежский пример наглядно демонстрирует, что для эпической традиции два-три десятилетия могут быть решающими. Может быть, для Сев. Двины 1840-е годы, когда здесь работал А. Харитонов, первый фольклорист, были уже последним этапом жизни местных былин. К тому времени, когда фольклористика стала зрелой наукой, северодвинская эпическая традиция уже практически угасла.

Примечания

[1] *Иванова Т. Г.* Былинная традиция р. Ваги//Русская литература. 1991. № 2. С. 113—119.

[2] *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин: По материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 53.

[3] Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860 — 1874. Вып. 1—10. (Далее в тексте — Кир.).

[4] См.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1. С. 163—174.

[5] Подробнее см.: *Баландин А. И.* К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (записи Н. П. Борисова)//Фольклор: Издание эпоса. М., 1977. С. 238—265.

[6] Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. С. 5.

[7] *Новиков Ю. А.* Точку ставить рано... (О концепции новгородского происхождения былинной традиции)//Фольклор: проблемы историзма. М., 1988. С. 31.

[8] Далее в тексте — Л.
[9] *Иванова Т. Г.* Указ. раб. С. 114—115.
[10] См. карту Архангельской губернии, изданную в 1844 году.
[11] Далее в тексте — Марк.
[12] Далее в тексте — Крюк.
[13] Далее в тексте — БПиЗБ.
[14] *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 361.
[15] ИРЛИ — рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, разряд V.
[16] *Астахова А. М.* Указ. раб. С. 321—324.
[17] Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 483, оп. 1, д. 2975, л. 2—3 (полевая запись).
[18] Архангельск. 1916. 17 янв., № 13; 22 янв., № 17; 24 янв., № 19. Помимо «Катерины и Чурилы» напечатаны «Мать князя Михайла губит его жену», «Соловецкое разорение», «Василий и Снафида».
[19] Московский государственный университет (архив кафедры фольклора), 1951, п. 22, тетр. 28, № 2 (контаминация ряда сюжетов об Илье Муромце).
[20] Народное творчество Северной Двины/Сост. В. В. Митрофанова, Л. В. Федорова. Архангельск, 1966. С. 106 (контаминация сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей Разбойник»).
[21] МГУ, 1967, тетр. 10, № 171., л. 62 об.— 63 об. (Вольга и Микула); там же, № 209-а, л. 76—76 об. (Исцеление Ильи Муромца); там же, № 155 и 156 (контаминация «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец и Соловей Разбойник»); там же, № 157 (контаминация «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» и «Илья Муромец и Калин-царь»).
[22] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. С. 15.
[23] Там же. С. 148.
[24] Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. С. 5.
[25] Там же. С. 5—6.
[26] *Б. Ш.* Недавнее прошлое: Пафнутий Осипович Анкудинов//Архангельск, 1916. 26 апр., № 91.
[27] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. С. 163.
[28] *Шергин Б. В.* Повести и рассказы. Л., 1984. С. 110—111.
[29] *Шергин Б.* Недавнее прошлое: Наталья Петровна Бугаева//Архангельск, 1916. 7 и 8 июля, № 149 и 150.
[30] См.: *Иванова Т. Г.* Письма Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову//Русская литература. 1984. № 4. С. 162.
[31] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909. Т. 1. С. LXI—CII; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 34—35; *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1. С. 72—73.
[32] Из последних работ на эту тему см.: *Васильев М. И.* О причинах неравномерного географического распространения русских былин (по материалам XIX — начала XX в.)//Сов. этнография (далее СЭ). 1990. № 3. С. 76—83.
[33] *Морозов А. А.* Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 233—238.
[34] *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. 1—2. СПб., 1903. С. 47.
[35] *Ефименко П. С.* Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 37—38.
[36] См.: *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин: По материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975; *ее же.* Еще раз о географическом распространении русских былин//СЭ. 1990. № 3. С. 83—94; *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 196—200.
[37] *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. С. 37.
[38] *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. С. 33; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 103.
[39] *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 41. См. карту на с. 40 ее монографии.
[40] Там же. С. 41—42
[41] *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. С. 44.
[42] *Бернштам Т. А.* Поморы. С. 42.
[43] *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. С. 53.
[44] *Иванова Т. Г.* Былинная традиция реки Ваги. С. 117—119.
[45] *Новиков Ю. А.* Точку ставить рано... (о концепции новгородского происхождения русской былинной традиции)//Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 19—41; *Васильев М. И.* О причинах неравномерного географического распространения русских былин. С. 76—83.
[46] *Максимов С. В.* Год на Севере. СПб., 1859.
[47] Цитирую по статье: *Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX вв.//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 127—128.
[48] *Истомин Ф. М.* Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года//Известия имп. Русского географического общества. СПб., 1890. Т. 26. С. 433—434.
[49] «Большой новостью мои открытия десятков былин на Печоре были всей печорский бюрократической интеллигенции: учителям, священникам, чиновникам, между которыми есть целых два действительных члена Географического общества по отделению этнографии» (*Ончуков Н. Е.* Былинная поэзия на Печоре//Печорские былины/Записал Н. Ончуков. СПб., 1904. С. XXVI).

[50] *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива императорского Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. № 48, 49, 50, 52, 54, 63, 64, 66.

[51] Беломорское побережье делится на семь частей: от Долгощелья до устья Сев. Двины — Зимний берег; от устья Сев. Двины до дер. Летняя Золотица — Летний берег; далее до устья р. Онеги — Онежский берег; между устьями Онеги и Кеми — Поморский берег; от Кеми до Черной Реки — Карельский берег; далее до д. Колвица — Кандалакшский берег и до д. Поной — Терский берег (см. *Бернштам Т. А.* Поморы. С. 82).

[52] *Бернштам Т. А.* Поморы. С. 40.

The Severnaya Dvina Epic Tradition

Seven folklore texts attributed to the Severnaya Dvina epic tradition are analyzed. Their plots, composition, origins, as well as local variations and geography are characterized. The apparent paucity of the local epic tradition, so evident against the background of the neighbouring regions with rich folklore is explained.

T.G. Ivanova